

Бессмертие красоты и памяти

А. К. Кекильбаев,
писатель

Каждый из нас ныне живо ощущает горячее дыхание самой истории. Происходят небывалые судьбоносные процессы. И как никогда очевидно сегодня, что человек общественно значимым и полезным всеобщему прогрессу становится, лишь умея сверять свое любое деяние с уроками прошлого и интересами будущего, а не слепо угождая диктату сиюминутных выгод. В этом и суть полноценного историзма мышления, без которого нельзя рассчитывать на желаемый результат при даже самых благородных начинаниях. Без этого не добиться и повышенной духовности в образе действия и поведения наших современников и потомков. А бездуховное развитие не может быть социалистическим — это не случайно стало основополагающим принципом нынешних перемен. И тут не обойтись без предметности и конкретики. Потому и так крепко запало в наши души понятие «духовная оседлость», пущенное в оборот академиком Д. С. Лихачевым. Человек, лишь прочно осваивая природную среду, повышает продуктивность своего труда. Только таким же образом поступая и с историко-культурной средой, где проходит вся его созидательная жизнь, он в состоянии ярко проявить себя как личность — гражданин, патриот, интернационалист. Ибо кому безразлична судьба малой родины, того вряд ли волнуют заботы и большая.

В этом смысле наша казахская земля сполна располагает к духовной оседлости. Она — фактически огромный музей под открытым небом.

Обширная территория, где еще более 2 миллионов лет тому назад в результате горообразовательных процессов и вертикальных подвижек земной коры стремительно расширилась зона суши, сократились зеркала водных бассейнов, из-за значительного преграждения проникновения влажных океанических воздушных масс становился все более сухим климат, формировался близкий к современному рельеф, в котором зеленые оазисы сменялись безбрежными песчаными массивами да ровными, как поверхность стола, просторами, низменности, лежащие на десятки метров ниже уровня моря, вечноснежными вершинами высотой до 7 тысяч метров, издревле располагали всеми природными богатствами и условиями для активной человеческой жизнедеятельности.

Такое пространство, еще лежащее неподалеку от предполагаемого ареала сапиентации палеонтропов — Восточного Средиземноморья, как не трудно догадаться, не могло долго оставаться в стороне от внимания вновь открытых сознательных существ, которых жестокая необходимость жить и выжить заставила пус-

таться в погоню за крупными животными, безвозвратно ушедшими вслед за отступившим далеко на север ледником. Оно в пределы первобытной ойкумены, по данным казахстанской археологии, включилось приблизительно миллион лет тому назад в шель-ашеельском периоде древнего палеолита. Хозяевами найденных в урочищах Танирказгар, Борыказган, Казангап, Шабақты в Южном Казахстане каменных орудий были хоморектусы — современники питекантропов и синантропов. Видимо, в то время в пределах Каратауского хребта и прилегающих к нему районов уже установились теплый климат, разнообразная фауна и флора, создающие благоприятствующую для обитания первобытных охотников и собирателей палеогеографическую обстановку. К такому выводу склоняет и то, что здесь не обнаружены какие-либо следы четвертичного оледенения. Первобытный человек неандертальского типа еще дальше углубился в казахстанскую степь. Об этом свидетельствуют ашель-мустьерские памятники, найденные в огромном пространстве, распространившемся от Каратауских хребтов до верховья Иртыша. А усиление наступления пустыни и исчезновение крупных животных вынудило древних казахстанцев переселиться в более северные, лучше увлажненные области. Стоянки периода позднего палеолита найдены в разных местах Центрального и Восточного Казахстана. На весь Казахстан распростиралась среда обитания племен эпохи неолита. Ныне известно свыше 400 неолитических и энеолитических памятников, абсолютное большинство которых, к сожалению, исследовано лишь выборочно. Основная часть этих памятников — родниковые стоянки открытого типа, представляющие собой чаще всего временные, сезонные местопребывания бродячих охотников. Разнообразие сырья и техники изготовления найденных там орудий позволяет прийти к заключению, что неолитические памятники Казахстана образуют несколько территориальных групп и отражают тесные культурно-хозяйственные связи, существовавшие в пределах мира охотников и рыболовов. Неолитические памятники Южного Казахстана близки к памятникам известной кельтеминарской культуры Средней Азии. Эти же черты в памятниках Западного Казахстана сочетаются с элементами неолитической культуры Южного Зауралья и Западной Сибири. Культура племен Северного и Восточного Казахстана, сохраняя в себе сходства с культурой населения Средней Азии, в то же время явно тяготеет к памятникам алтайских и прибайкальских племен новокаменного века. Богатство недр Казахстана полиметаллами способствовало созданию здесь одного из первых очагов метал-

лургии и тесно связанной с этим радикальной реформы первобытного комплексного скотоводческо-земледельческого хозяйства, формированию ее новой специализированной формы — кочевого скотоводства. Это совпало с наступлением в середине II тысячелетия до н. э. ксеротермического минимума, сменившего длительную прохладно-влажную фазу засушливой и приведшего к сильной аридизации климата Северного полушария. Одной из наиболее распространенной в казахской степи разновидностью памятников того времени являются колодцы Западного и Центрального Казахстана, чьи глубины в иных местах достигают до 300 метров. Быстрое развитие скотоводства и металлургии, вызванное резкими природно-климатическими изменениями, требовавшее прежде всего мужского труда, подвело к коренной переделке и общественного строя — смене материнского рода отцовским, обособлению семей, имущественному неравенству внутриродовой общины. Памятники казахстанской ранней и средней бронзы составлены носителями андроновской культуры. Андроновская культура от наследия других племен отличается погребальным обрядом, керамикой с геометрическим орнаментом, формой металлических изделий. Андроновские племена возводили погребальные сооружения в виде либо каменных оград с прямоугольной, круглой, овальной конфигурацией, либо курганов насыпей, умерших либо сжигали, либо хоронили особым способом на боку, в скорченном положении, в «ящиках» из каменных плит или прямоугольных грунтовых ямах. Плоскостонные сосуды андроновцев украшались геометрическим орнаментом, наносившимся гребенчатым или гладким штампом. Законченность форм бронзовых и глиняных предметов свидетельствует о высокой технике их изготовления. Особенно серьги из золотого листа, свернутые в полтора оборота, украшения головного убора и одежды в виде «очковидных» и «лапчатых» подвесок, бляшки с чеканным орнаментом, браслеты со спирально закрученными кольцами не только указывают на высокий уровень, но и не выходят за пределы распространения андроновских племен. А в эту зону входит почти весь Казахстан. Памятники Приуралья, Западного и Северного Казахстана содержат отпечатки контактов с племенами срубной культуры Поволжья и степным наследием Средней Азии, а Восточного и отчасти Центрального Казахстана близки к культурным традициям лесостепного населения Западной Сибири.

Эпоха бронзы и железа дифференцировала древнее производство. Это значительно совершенствовалось и земледелие, и металлургия, и скотоводство, и народное ремесло. Геологические изыскания показывают, что в древности в районе Джезказгана объем выплавки меди составил примерно 100 тыс. т, на Успенском руднике 200 тыс. т руды. А таких очагов древней горной индустрии в Казахстане можно найти десятки в самых его разных уголках. Отсюда расцвет не только металлургии, но и ювелирного искусства. Наряду с металлическими предметами в быту употреблялись и костяные. Для их приготовления трубчатые кости, ребра, лопатки крупных животных предварительно распаривали в кипящей воде в глиняных сосудах-корчагах, после чего они становились гибкими, мягкими, обезжиренны-

ми, легко поддавались обработке, а высохнув, вновь приобретали твердость, упругость. Дошедшие до нас наследия казахстанской эпохи бронзы свидетельствуют о высоком мастерстве изготовления орудий труда, оружия, украшений, предметов быта из металла, камня, костей, ракушек, совершенной технике литья, чеканки, тиснения, шлифования и полирования. Именно с этим периодом совпадает и широкое развитие ткачества. Из шерсти тонкорунной овцы, верблюжьего или козьего пуха изготавливались изделия при помощи ткачества, вязания и плетения. Высокого уровня тогда достигла обработка кожи и изготовление из нее разных предметов.

Поэтому не случайно, что именно этой эпохой оставлено наибольшее количество памятников: поселения с остатками жилых и хозяйственных построек, погребальные сооружения, древние рудники, наскальные рисунки и жертвенные места. В одном только Центральном Казахстане, например, открыто около 30 поселений эпохи бронзы и 150 крупных могильников, которые выделяются среди памятников других районов этой же культуры сложностью конструкции, монументальностью, высокой техникой строительства. Самыми выдающимися памятниками из них являются Аксу-Аюлинские, Бугулинские, Атасуские, Жамбай-Карнауские, Дандыбай-бегазинские погребальные комплексы в Карагандинской и Джезказганской областях. Такие памятники не редкость и для остальных регионов Казахстана. Среди них отличаются Тагискенские мавзолеи, демонстрирующие своеобразную архитектуру и строительную технику древних скотоводов Восточного Приуралья. Они сочетают в себе среднеазиатскую строительную технику из сырцового кирпича с архитектурно-планировочными принципами Дандыбай-бегазинских памятников в Центральном Казахстане.

Итак, именно племенами бронзового века сформирована культура кочевников, внесшая существенную новизну в дальнейшее развитие мировой цивилизации, которая составляет золотую жилу своеобразия и самобытности историко-культурного наследия нашего народа и края. Кочевничество не было прихлебательем, тем более разрушителем культуры оседлых племен. Оно составило для нее не только надежное партнерство и как клиент, и как снабженец необходимым сырьем, но и достойного конкурента — создателя своеобразной культуры, явившейся сперва органичным его продолжением, затем превратившейся в автономную ветвь мировой цивилизации.

Древний человек, став кочевником, не забыл традиций оседлой культуры, а все более модифицировал их согласно условиям своего нового образа жизни. Только так мог выжить обитатель древнего Казахстана, где в конце II и начале I тыс. до н. э. резко менялся климат и становился все сильнее засушливым. Археологические и этнографические данные свидетельствуют о существовании в то время круглогодично кочевого, сезонно полукочевого и постоянно оседлого скотоводства. Первое характерно для пустынь и полупустынь Западного и Центрального Казахстана, второе — для обитающих гористых и равнинных пастбищ Восточного и Юго-Восточного Казахстана, а третье — для богатого пастбищами и водопоями Южного Казахстана. Тем самым вы-

и жизнедеятельность степняков требовали большой мобильности, что стимулировало легкость жилищных конструкций, замену керамики посудой из кожи, металла, дерева, преобладание в народных промыслах косторезного, камнерезного дела, выделки кожи, прядения и ткачества. И нетрудно заметить, что в то время монументальность, основательность, декоративные изыски, покинув жилища кочевников, переселились в их надгробные сооружения. Ибо последние для них не просто означали дань памяти усопшим, но и демонстрировали силу, мощь и роль его соплеменников в тогдашнем мире, самое главное — ко-

хоронили представителей племенной знати и сооружали над ними насыпи диаметром 30—45 м, высотой 5—6 м, а возле них — рядовых воинов, совершивших выдающиеся подвиги, могилы которых, как правило, называются «малыми курганами» (диаметр 6—8 м, высота 1—2 м). Находки из кургана Иссык явно указывают на то, что в племенных союзах раннего железа личность вождя возводили уже в ранг солнцеподобного божества, стоявшего на самом вершине иерархической лестницы.

Погребальный обряд сакских, савроматских, массагетских племен, обитавших в Ка-

Мавзолей
Бабаджи-Хатун
в Джамбуле

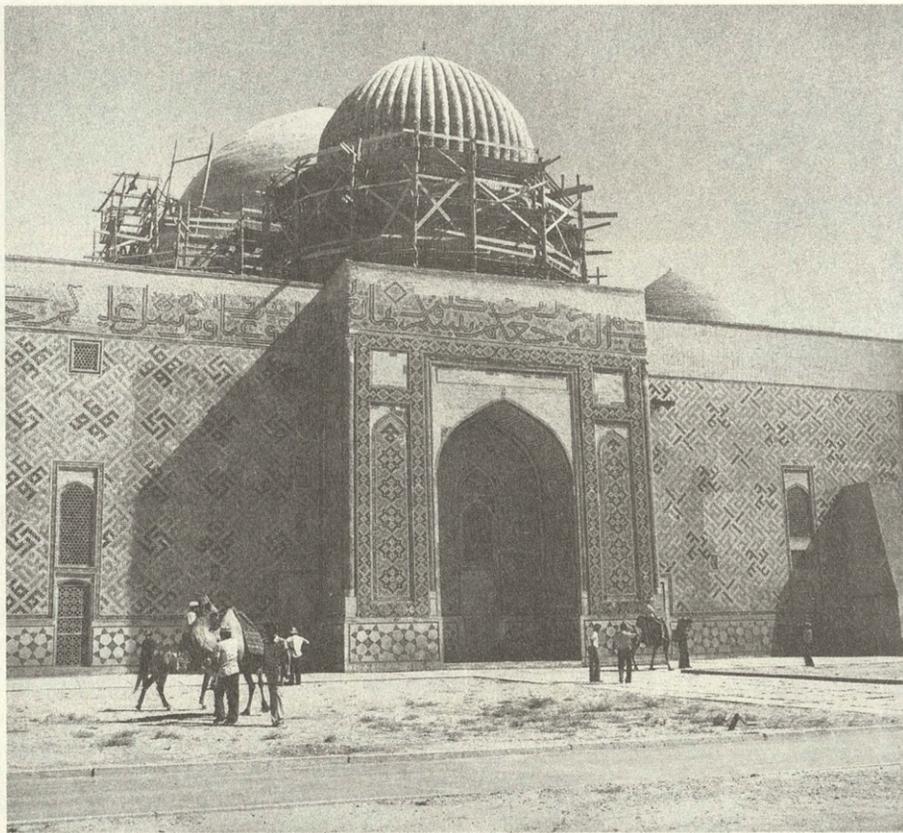
му принадлежит окружающая эти памятники территория. Подобное тщание в увековечении памяти усопших связано с кардинальными переменами в общественном устройстве степных племен. Динамика увеличения излишков продуктов, присущих кочевому скотоводству, усилила имущественное неравенство, которое постепенно переросло в классовое различие, что не могло не ускорить объединение малых родственных семей в пастбищно-кочевую общину, а последних в военно-демократический союз племен. Об этом свидетельствуют разбросанные по всей великой степи курганные могильники. Внушительными образцами такого рода памятников являются Бешатырские курганы в Семиречье. Обычно в центре подобных могильников величаво возвышается «царский» курган, представляющий собой насыпь диаметром от 50 до 100 м и более, высотой от 8 до 15 м, где захоронен вождь племени или союза племен. Около усыпальниц вождей

захстане в эпоху раннего железа, значительно отличается от обряда своих предшественников. Если для андроновцев типичны безнасыпные каменные ограды и захоронения останков в каменных «ящиках», то населению раннего железа присущи курганные могильники, новые конструкции погребальных камер в виде подбоев и катакомб, кремация трупа или погребение человека на спине в вытянутом положении. Вещи, найденные в этих могильниках, связаны с культурами солнца, огня и домашнего очага. Пережитки анимизма, тотемизма, магии дают знать о себе и во всевозможных амулетах, талисманах и умышленной поломке оружия, зеркал, личных предметов покойника, местах десятков костров, разжигавшихся во время погребения, указывающих на то, что соплеменники не только поклонялись умершему, но и боялись возвращения его души. Представление о происхождении рода или племени от какого-либо мифического жи-

вотного-предка нашло отражение во всем прикладном искусстве степных племен раннего железа. Наиболее ярким проявлением этого является своеобразная изобразительная форма — скифский звериный стиль, изображающий зверей животных и мифических зооморфных чудовищ. Этот стиль носил больше декоративный характер, выполнялся в различных материалах и использовался для украшения мечей, кинжалов, одежды, колчанов, конской узды, котлов, жертвенников, наверхий знамен. Для его архаического периода типичны одиночные или частичные изображения зверей, переданные в статичных позах.

из кургана Иссык, например, на одной стороне клинка тонким рельефом оттиснуты двенадцать, на второй — девять изображений зверей в лежачей позе. В III—II вв. до н. э. звериный стиль все больше превращается в орнамент, потом его сменяет так называемый полихромный стиль с техникой инкрустаций цветным камнем, зернью и другими приемами украшения. Геометрический орнамент сакского времени берет свое начало в искусстве андроновских племен, растительный — в искусстве Древнего Востока, зооморфный — в традициях звериного стиля.

Сакская эпоха нам оставила мощный

Мечеть Ходжи Ясави

Наиболее распространенный сюжет ранних образцов — это свернувшееся в кольцо животное, находящееся как бы в утробной позе. Их можно часто видеть в находках из Маймирских, Чиликтинских, Уйгаракских курганов Восточного Казахстана. Находкам из Центрального, Северного Казахстана присущи позы пригнотившихся к нападению хищников или животных-самцов. А в VI—IV вв. до н. э. статичные образы сменяются композиционно сложными сюжетами, полными динамизма, изображающими зверей в движении, схватках с противниками. Многочисленные археологические находки на территории Казахстана заключают в себе сцены нападения хищников и хищных птиц на коней, козлов, оленей, лосей, единоборство хищников между собой, поединков хищников со змеями, верблюдом. Однако сакское искусство в этой территории сравнительно долго сохранило образ животного в статичной позе. На сакском кинжал-акинаке

пласт петроглифов. На скалах ущелья Тамгалы (Алма-Атинская область), урочищ Койбагар, Арпузен (Чимкентская область) сохранились многочисленные сакские изображения, выделяющиеся по образам и сюжетам, присущим искусству звериного стиля. Но в то же время на этих петроглифах встречаются и новые сюжеты — сцены охоты человека, фигуры резвящихся верблюдов, боевых и грузовых колесниц. Они указывают и на существенные изменения в степной жизни.

Подобная стилевая эклектика в петроглифах и противоречивая картина погребальной обрядности в Тасмолинских, Жалгызтауских, Кайрактасских могильниках в Центральном Казахстане и Прибалхашье — отражение сложной и не во всем еще ясной политической ситуации последних столетий I тыс. до н. э., связанной с крупными миграциями скотоводческих племен на западе и востоке Центральной Азии.

На динамику политической жизни и культурных контактов в древнем мире указывают памятники и других регионов. Срубно-андроновский субстрат лег в основу савроматской культуры Западного Казахстана. Культура населения Северного Казахстана, сохраняя сходство по ряду ведущих признаков со своими южноуральскими соседями, близка к культурам лесостепей Западной Сибири, с одной стороны, и степных регионов Центрального Казахстана — с другой. На стыке горноалтайских и семиреческих традиций формировалась древняя культура Восточного Казахстана. Недаром считает А. Н. Бернштам, что «царские

кочевого скотоводческого миров, либо после ожесточенной борьбы с оседлым соседом стимулировали неслыханную консолидацию ранее между собой конфликтовавших кочевых племен, как это получилось с хуннами после противоборства с Китаем. Хунские племена в течение трех веков, пока не достигли степей Восточной и Центральной Азии, неслись лавиной на запад через казахстанские просторы. «Великое переселение народов» способствовало проникновению монголоидных элементов в антропологический тип автохтонного населения, тюркизации языка по всей территории края, синкретизации культурных традиций,

Золотые ворота
во Владивосток

саки и усунь» населяли Семиречье. Ибо Семиречье и Южный Казахстан по скоплению большого количества так называемых «царских курганов» высотой до 20 м не имеют себе равных не только в Казахстане, но и в Средней Азии. Тем самым памятники, оставленные древними насельниками Казахстана, убеждают нас в том, что хозяйственно-социальное и культурное развитие здесь шло неравномерно, на юге и юго-востоке раннеклассовые отношения складывались, опережая другие регионы.

Этому способствовала и активизация взаимоотношений оседлых и кочевых элементов тогдашнего мира. Крупные кочевнические военно-политические объединения либо, завоевав соседние оседлые государства, основали новую могущественную державу, как это произошло с империей великих Кушан, являющейся ярким примером существования и тесного взаимодействия земледельческого и

появлению раннеклассовых объединений на территории Казахстана. Одним из первых подобных объединений явилось усуньское государство в Семиречье. История усуней полна междоусобных распрей между сторонниками прохуньской и проханьской политики. Оставленные ими в Семиречье памятники позволяют проследить их культуру в продолжение шестисот лет. Усунь питались мясом, молоком и растительной пищей, носили одежду из шерсти, кожи и иноземного шелка. Занимались скотоводством, земледелием, металлургией, гончарным и ювелирным делом. Шедеврами усуньского ювелирного искусства являются золотые изделия, найденные в Каргалинском ущелье неподалеку от Алма-Аты: два перстня со скульптурками двугорбых верблюдов, десять фигурок горных козлов, серьги с изображением мыши, грызущей человека, многочисленные бляшки. Уникальна знаменитая каргалинская диадема — золотая полоса,

состоящая из двух кусков общей длиной 35 см и шириной 4,7 см, сверху и снизу на полосе гладкий бордюр шириной в полсантиметра. Пластинки украшены изображениями зверей, птиц, людей в окружении сложного растительного мира, выполненного техникой штамповки. Глаза животных выполнены из светлого сердолика, альмандина, туловища инкрустированы бирюзой. В основу изображений легли самые затейливые сюжеты, раскрывающие богатую и неудержную фантазию, сложное миропознание и мироощущение древних людей. Южными соседями у хуннов, восточными у аланов, западными у усуней были кангюйцы, о которых говорится в Авесте и Махабхарате. Они кочевали в бассейне рек Таласа и Сырдарьи. В сложении кангюйской культуры приняли участие и оседлые, и кочевые племена. Поэтому бывшая кангюйская территория усееяна многочисленными городами и поселениями, располагавшимися по берегам рек и речек. Монументальные кирпичные постройки, сложные по архитектуре дворцовые комплексы, красочные настенные росписи, найденные в городищах Актобе на скалах Каратау, Караул-тобе на р. Арысь, Актобе-2 и Актепе (около Ташкента), говорят о высоком культурном уровне древнего Кангюя. Наиболее крупный памятник кангюйцев — это городище Алтын-Асар, в низовьях Сырдарьи, занимающее площадь около 16 га, окруженное мощной и высокой глинобитной стеной.

Но динамичная политическая жизнь на казахстанских степях — на этой авансцене «великих переселений народов» — не любила стабильности. Одни мощные кочевые империи сменялись другими. В VI в. на авансцену истории евразийских степей выдвинулись тюрки. Многие территории казахстанских степей тогда входили в состав Западнотюркского каганата. Усиленная синкретизация скотоводческого хозяйства и оседлоземледельческого расширила контакты с соседями. В городах каганата жило и согдийское, и тюркское население, в одинаковой мере занимавшееся торговлей, ремеслами, хлебопашеством. Город и степь дополняли друг друга и взаимно поддерживали друг друга. Переселение согдийцев в Семиречье в VI — VIII вв. связано с арабской экспансией в Средней Азии. Согдийцы не только освоили тюркский язык, традиции, но и распространили в новой среде свое письмо, буддизм, памятники буддийского культового зодчества и искусства. Так происходило взаимодействие населения этих территорий, отразившееся в их этнополитической истории, материальной и духовной культуре. Все это сопровождалось арабской экспансией с юга. Это ускорило укрепление феодальных изменений в политической, исламизацию в духовной жизни. Но ничуть не прекращался процесс тюркизации населения обширных степей от Алтая до Каспийского моря. Так было и при западнотюркском каганате, и при создавшемся на его месте тюркском, карлукском каганатстве. В VIII — XI вв. сюда проникают кимаки, кипчаки, огузы. Кипчаки расселились в степях Центрального и Западного Казахстана. А в бассейне среднего и нижнего течения Сырдарьи и в примыкавших к ней степях Западного Казахстана в IX — X вв. сложилось раннефеодальное государство огузских племен, которое имело военно-политический союз с Киевской Русью и постоянные контакты с

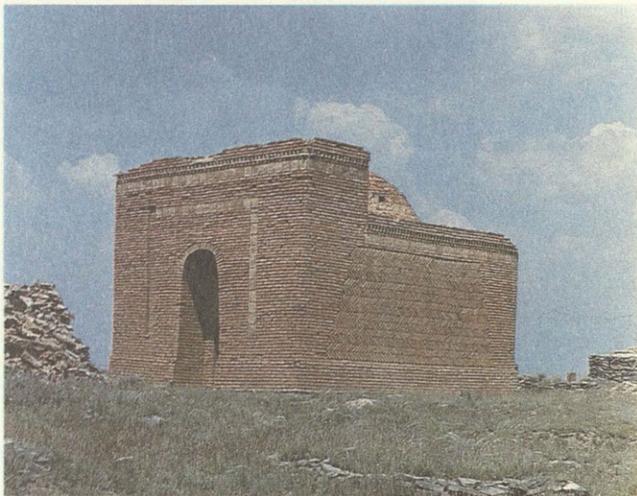
Хазарией. В X — XII вв. Юго-Восточный и Южный Казахстан входили в состав обширного Караханидского государства, позитивно повлиявшего на сплочение местных племен. Однако монгольское завоевание XIII в. привело к новому смещению племен различного происхождения. Именно с этим сложным периодом истории связаны многие памятники Южного и Юго-Восточного Казахстана. В VI — X вв. на местах бывших поселений в долинах Сырдарьи, Таласа, Или и Чу появляются многочисленные политические центры, где у стен феодальных замков-ставок постепенно возникли города. Среди них особо выделяются древние Испиджаб (на месте городища Сайрам, неподалеку от Чимкента), Отрар (в 15 км западнее железнодорожной станции Тимур в Чимкентской области), Тараз (на месте современного Джамбула), Кулан (ныне станция Луговая) и др. Десятки городищ того периода можно найти в долинах рек Сырдарьи, Арысь, Бадам, Чаян, Талас, Чу, Или, в южных и северных склонах гор Каратау. Самым ценным наследием тюркских государств являются рунические памятники — девять надписей, найденных на валунах, надмогильных камнях и склонах в ущелье Терек-сай (долина р. Талас), надписи на керамике, обнаруженные близ г. Джамбула, на монетах, найденных в долине р. Талас, на бронзовых зеркалах из Восточного Казахстана, на глиняной прялке из Талгарского городища (близ Алма-Аты). Шедеврами казахстанской архитектуры домонгольского периода являются мавзолеи Айша-Биби, Бабаджа-Хатун, Каракана в Древнем Таразе. Особенно впечатляют рисунки мавзолея Айша-Биби, композиционная стройность и затейливый декор которого свидетельствуют о высоком развитии городской культуры на юге Казахстана в XI — начале XIII в. Указываемый период оставил неизгладимый след и в духовной культуре. Философские, математические, лингвистические, музыкальные трактаты аль Фараби, поэма «Катадгу билиг» Юсуфа Баласагунского, «Словарь тюркских языков» (Диван лугат ат-Турк) Махмуда Кашгарского, поэтический сборник «Книга премудрости» (Диван-и-Хикмет) Ходжа Ахмеда Ясави составляют гордость многих тюркоязычных, в том числе и казахского, народов.

Политическая и духовная консолидация тюркоязычных племен евразийских степей была приостановлена монгольским завоеванием этих обширных территорий. В период владычества чингизидов территория современного Казахстана распалась на три части и входила в улусы Ак-Орда, Кок-Орда и Мо-голистан. Только после окончательного упадка монгольского ига население этих улусов обрело возможность вновь сложиться в одну народность. Это совершилось в конце XV — начале XVI в. в рамках новообразованного Казахского ханства. В середине XVI в. в состав казахов влились родственные по языку и образу жизни племена, пришедшие из-за р. Урал (после распада Ногайской Орды), из Сибири, восточного Семиречья. Казахская культура вобрала в себя все историко-культурные и хозяйственные традиции, возникшие на этом огромном пространстве, с момента его включения в человеческую ойкумену. Ибо казахский этнос содержал в себе результаты расогенетических процессов, происшедших здесь.

Было время, когда это обстоятельство не принималось во внимание и историю культуры казахов начинали с момента возникновения Казахского ханства. Именно подобным верхоглядством в изучении культурного наследия народа можно объяснить антинаучное утверждение иных авторов, что-де кочевыми народами, в том числе казахами, мало оставлено памятников материальной культуры. Это не соответствует истине даже потому, что кочевой образ жизни не антипод, а разновидность человеческой цивилизации. В этом можно твердо убедиться, проследив историю казахской культуры и историко-культурного наследия, оставленные пришлыми народами и племенами на обширных степях Казахстана. По ним не трудно догадаться, что обитатели этого огромного пространства не только создали свою самобытную материальную и духовную культуру, но и принимали самое активное участие в формировании соседних среднеазиатской, переднеазиатской, закавказской цивилизаций. Ныне подготавливаемый в печать Свод памятников истории, архитектуры и культуры Казахстана составляет 10 томов и включает в себя около двадцати тысяч статей. Только одно это может красноречиво свидетельствовать о том, что казахи в современный мир пришли не с пустыми руками. Но из-за разбросанности территории не все памятники еще выявлены и приняты на учет. Среди выявленных памятников по количеству первое место, конечно, занимают археологические. В любом уголке казахстанских степей можно встретить первобытные стоянки и поселения, городища, курганы, каменные балбалы, менгиры, дольмены, петроглифы, остатки древней ирригации, пашен, караванных дорог и т. д. Десятков кангуйских, огузских городов на нижнем и среднем течении Сырдарьи, карлукских, тюркешских городов в Семиречье, золотоордынских городов в нижнем Поволжье и Приуралье еще не касались лопатки археологов. Медленно реставрируются ансамбли архитектуры караханидов в Джамбуле, тимуридов в Туркестане. Жемчужиной древней архитектуры Казахстана является мавзолей Ходжа Ахмеда Ясави в Туркестане, построенный на рубеже XIV—XV вв. Мемориальное сооружение, состоящее не только из усыпальницы с мраморным надгробием, увенчанное богато декорированным куполом огромного центрального зала с массивным стрельчатым куполом на барабане, где стоял огромный колет для жертвоприношения и совершались основные ритуалы, но и многих различных, функционально связанных между собой помещений, — мечети, библиотеки, кухни, комнат для духовенства, паломников, роскошно украшенных тимпанами арок и сталактитовыми венцами куполов, орнаментальными композициями из геометрических фигур, огромными надписями, мозаичными и майоликовыми, может состязаться по красоте и величеству с самыми знаменитыми сооружениями мусульманской архитектуры в странах Средней и Передней Азии. Не случайно этот комплекс рекомендован Советским комитетом по делам ЮНЕСКО для включения в список наиболее редких памятников мировой культуры.

Углубление центробежных тенденций в Золотой Орде усилило автономные притязания степных владык. Именно этим стремле-

нием можно объяснить своеобразный взрыв монументализма в степной архитектуре. В окрестностях древнего Сыгнака (в Кызыл-Ординской области) располагался некрополь степных ханов из рода Шайбана. Среди них особо выделяется мавзолей Кок-Кесене, снаружи облицованный цветными глазурованными кирпичами, образующими геометрический узор, и многоцветными мозаиками. Ему близка и архитектура мавзолея Сырлытам, датируемого также XIV—XV веками. Постройкам этого периода принадлежат и мавзолей Алаша-хана, Джучи, Болганана и др., расположенные в долинах рек Сарысу, Кенгир, Тургай (Джезказганская область).

Своеобразными заповедниками надгробной архитектуры являются Мангышлак и Устьюрт. Десятки мертвых городов-некрополей, рассыпанных по здешним просторам, содержат в себе летописи политической жизни степи, никогда не прерывавшей связи между Западом и Востоком, культурно-экономических контактов между оседлыми и кочевыми народами. Некрополи Кошкар-Ата, Масат-Ата, Караган-аулие, Шагнак-Ата, Камыспай, Шопан-Ата на Мангышлаке, Сисем-Ата, Уали, Ушкан-Ата на Устьюрте, Абат-Байтак в долине р. Хобда свидетельствуют, как кочевники берегли и совершенствовали традиции зодчества.

Итак, многочисленные памятники материальной культуры оставили на просторах Казахстана древний мир и средневековье. Это пополнилось новыми памятниками, связанными с освободительной борьбой степняков с иноземными захватчиками, добровольным присоединением Казахстана к России, национально-освободительным движением против царизма, установлением Советской власти и социалистическим преобразованием жизни на степных просторах. Если добавить к этому уникальные природные заповедники Барса-Кельмес и Аксу-Джабаглы в Южном Казахстане; Заилийское Алатау в Юго-Восточном; Маркаколь — в Восточном; Боровое, Баянаул, Кургальджино, Прииртыше, Каркаралы, Наурузум — в Центральном и Северном Казахстане, то можно представить, какую впечатляющую страницу в культурно-природном сокровище многонационального Советского Союза составляют следы многотысячелетней жизни, существовавшей на просторах Казахстана.

Мавзолей Джучи-Хана. XIII в. Джезказганская область